

Средневековые названия погостов Корельского уезда: на границе государств и языков

© 2024

Валерий Леонидович Васильев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; vihnn@mail.ru

Ирма Ивановна МуллоненИнститут языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск,
Россия; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия;
irma.mullonen@hotmail.com

Аннотация: В статье всесторонне анализируются происхождение и история названий средневековых новгородских погостов, прилегавших к северным берегам Ладожского озера. Имена погостов рассматриваются в географической последовательности — с севера на юг: *Ильинский Иломанский, Никольский Сердовольский, Воскресенский Соломянский, Богородицкий Кирьяжский, Воскресенский Городенский, Михайловский Сакульский* и *Васильевский Ровдужский*. Авторы сосредоточены преимущественно на анализе вторых прилагательных в приведенных парах. В основном это образования от карельских названий тех селений, которые новгородцы сделали центрами своих погостов и церковных приходов. Название *Городенского* погоста отличается от остальных исконным, древнерусским происхождением (< *городъ*, *городькъ* ‘укрепленное место’), оно относилось только к погосту-округу. В средневековой документации (русской, шведской, финской) топонимы имеют множество вариантных форм, что связано со спецификой языковой адаптации и письменной передачи. Большинство первых письменных упоминаний о погостах относятся к 1500 г., кроме Кирьяжского и Сердовольского погостов, свидетельства о которых известны с XIV–XV вв. Некоторые наименования погостов (*Кирьяжский, Ровдужский, Сердовольский*) в фонетическом развитии ушли весьма далеко от реконструируемых карельских топонимов-прототипов: **Kurgijogi, *Raudu, *Sordavala*. Древнерусская адаптация этих карельских топонимов, помимо регулярных фонетических закономерностей, включала вторичное сближение с созвучными лексемами и антропонимами. Данный тезис можно применить также к наименованию *Соломянского* погоста, которое возникло путем замещения карельского **Salmi* равнозначным древненовгородским *Соломя* (= *соломя* ‘пролив’). Исходные карельские топонимы трактуются по-разному. В одних воспроизводится обозначение природного объекта, при котором стояло карельское селение, ставшее погостским центром. Таковы названия погостов *Кирьяжский* (< **Kurgijogi* ‘журавлиная река’), *Соломянский* (< *Salmi* ‘пролив’) и *Иломанский* (*Ilomantsi* < прасаам. **ēlēmāñce* ‘самый верхний’). Другие — *Сакульский* (*Sakkula*), *Ровдужский* (**Raudu*), *Сердовольский* (**Sordavala*) — содержат в основе антропоним, который должен квалифицироваться как патроним, личное имя или прозвище первопоселенца.

Ключевые слова: антропонимы, карельский язык, Новгород, севернорусские диалекты, старорусский язык, погосты, прибалтийско-финские языки, скандинавские языки, топонимия, финский язык, шведский язык

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России».

Для цитирования: Васильев В. Л., Муллонен И. И. Средневековые названия погостов Корельского уезда: на границе государств и языков. *Вопросы языкознания*, 2024, 6: 85–104.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.6.85-104

Medieval names of churchyards in Korelsky county: On the border of states and languages

Valery L. Vasilyev

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
vihnn@mail.ru

Irma I. Mullonen

Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia;
Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; irma.mullonen@hotmail.com

Abstract: The article comprehensively analyzes the origin and history of the names of medieval Novgorod churchyards (pogosts) adjacent to the northern shores of Lake Ladoga. The churchyard names are considered in geographical sequence — from north to south: *Il'inskij Ilomanskij, Nikol'skij Serdovol'skij, Voskresenskij Solomjanskij, Bogorodickij Kir'jažskij, Voskresenskij Gorodenskij, Mixajlovskij Sakul'skij* and *Vasil'evskij Rovdužskij*. The authors focus primarily on the analysis of the second adjectives in the given pairs. These are mainly derivatives of the Karelian names of those villages that the Novgorodians made the centers of their churchyards and church parishes. The name of the *Gorodenskij* pogost differs from the others in its vernacular, ancient Russian origin (< *gorodъ, gorodъкъ* 'fortified place'), it referred only to the territorial district. In medieval documentation (Russian, Swedish, Finnish), place names have many variant forms due to the peculiarities of language adaptation and writing systems. Most of the first written mentions of churchyards date back to 1500, except for the *Kir'jažskij* and *Serdovol'skij* pogosts, evidence of which goes back to the 14th–15th centuries. Some churchyard names (*Kir'jažskij, Rovdužskij, Serdovol'skij*) in their phonetic development went very far from the reconstructed Karelian prototype place names: **Kurgijogi, *Raudu, *Sordavala*. The Old Russian adaptation of these Karelian toponyms, in addition to regular phonetic correspondences, included a secondary convergence with assonant lexemes and anthroponyms. This thesis can also be applied to the name *Solomjanskij* pogost, which arose by replacing the Karelian *Salmi with the equivalent Old Novgorod *Solomja* (= *solomja* 'strait'). The originally Karelian place names are interpreted differently. Some reproduce the designation of a natural site near which a Karelian village that became a territorial center was located. These are the churchyard names: *Kir'jažskij* (< *Kurgijogi 'crane river'), *Solomjanskij* (< *Salmi* 'strait') and *Ilomanskij* churchyards (*Ilomantsi* < Proto-Saami *elēmānce 'topmost'). Others — *Sakul'skij* (*Sakkula*), *Rovdužskij* (*Raudu), *Serdovol'skij* (*Sordavala) — contain an anthroponym which should qualify as a patronymic, personal name, or nickname of the first settler.

Keywords: anthroponymy, Finnic, Finnish, Karelian, Middle Russian, North Russian, Novgorod, pogosts, Scandinavian, Swedish, toponymy

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation (grant project No. 23-18-00439 "Onomasticon and Linguocultural History of European Russia").

For citation: Vasilyev V. L., Mullonen I. I. Medieval names of churchyards in Korelsky county: On the border of states and languages. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 6: 85–104.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.6.85-104

Северо-Западное Приладожье, где на рубеже I–II тыс. н. э. происходило формирование карельского этноса, было на протяжении многих веков территорией шведско-русского противостояния и неоднократно переходило из рук в руки. На разных этапах истории оно входило в состав земель Великого Новгорода, Московского княжества, Шведского королевства, Финляндской республики, Российского государства. Нередко такой переход сопровождался частичной или полной сменой населения, как это было, например, в начале XVII в., когда территория отошла к Швеции и сюда начало стекаться финское население, или после Второй мировой войны, когда финское и карельское население покинуло территорию полностью.

Соответственно, местная карельская топонимия находила в разные годы отражение в русских, шведских и финских источниках, каждый из которых адаптировал иноязычное для него карельское название к своему языку и топонимической системе. Это нередко затухивало исходный облик названий. Сопоставление разноязычных источников позволяет при учете особенностей адаптационных процессов того или иного языка восстановить в ряде случаев первоначальные исконные карельские топонимы и предложить их этимологии, а также проследить модели интеграции карельских топонимов в русскую систему именований.

Первая относительно массовая фиксация топонимии (преимущественно ойконимии) на территории Северо-Западного Приладожья состоялась в самом конце XV в. благодаря повсеместному описанию новыми московскими властями земельных владений Водской пятины. Данная топонимия представлена в новгородской писцовой книге 1500 г. [ПОКВП]. В эпоху первых московских описаний территория Северо-Западного Приладожья административно составляла Корельский уезд с центром в крепости Корела (см. рис.). Уезду предшествовала более обширная Корельская земля (Корела), которая с XII в. поддерживала с Новгородом отношения союзнической конфедерации, а затем вассалитета. По условиям Ореховецкого мирного договора 1323 г. часть Корельской земли досталась Швеции, а другая, приладожская часть напрямую вошла в подчинение Новгороду. Из приладожской части, подразделенной на Переднюю Корелу и Заднюю Корелу (соответственно — ближнюю и дальнюю относительно Новгорода), после присоединения Новгородской республики к Москве окончательно выделился Корельский уезд, включавший, согласно ПОКВП, семь погостов-округов: Воскресенский Городенский, Михайловский Сакульский, Васильевский Ровдужский, Богородицкий Кирьяжский, Никольский Сердобольский, Воскресенский Соломянский и Ильинский Иломанский.

Рис. Карта Корельского уезда XVI в.

Название уезда отсылает к этнониму — племенному названию *корела* (др.-русс. *корѣла*) — карел. *karjala, kariela*. Этноним, будучи трехсложным, явно выбивается из ряда двухсложных именовании прибалтийско-финских народов. Происхождение его дискуссионно. Среди многих гипотез, собранных в [Grünthal 1997: 73–96], наиболее активно обсуждается условно германская теория, в соответствии с которой в основе лежит германское заимствование *karja*, но не в современном значении ‘стадо’, а в утраченном — ‘группа людей, вооруженный отряд’, которое присуще источнику заимствования в германских языках: прагерм. *χarja (гот. *harjis, др.-норв. *herr, др.-швед. *haer). Параллельно обсуждается возможность балтских корней, ср. др.-прус. *karja* ‘воинский отряд, подразделение’ [SSA, 1: 313–314]. При этом истоки конечного *-la* рассматриваются как результат абстрагирования или переразложения, произошедшего на базе прилагательного *karjalainen* (с суффиксом *-lainen*), букв. ‘принадлежащий к народу *karja*’ → *karjala* (см., например, [Nissilä 1962b: 365]), что, однако, не укладывается в ряд многочисленных образований подобного рода (*suomalainen* ‘финн’, *hämäläinen* ‘принадлежащий к племени емь’, *savolainen* ‘житель провинции Саво (Savo)’ и др.), ни одно из которых не пошло по пути подобного переразложения. Более вероятно предположение о том, что концовка *-la* в этнониме — это прибалтийско-финский суффикс *-la* с локативной семантикой, т. е. первоначально *Karjala* — место расселения той самой «группы» или того самого «отряда» *karja*, распространившееся со временем на более обширную территорию и население, заселявшее ее. При этом предполагается, что этот первоначальный центр располагался в устье р. Вуоксы, служившей на рубеже I–II тыс. н. э. оживленным торговым путем из Финского залива в Ладожское озеро, т. е. фактически являлся предшественником города-крепости Корела, см., например, [Kirkinen 1981: 12; Grünthal 1997: 73–83]. Версия отойконимного происхождения этнонима при всех сопутствующих вопросах представляется перспективной для дальнейшего исследования.

Далее с привлечением русских и шведских документов обратимся к рассмотрению наименований всех семи погостов Корельского уезда, взятых в географической последовательности — с севера на юг. В области пятинного деления Великого Новгорода для разных пятин традиционно использовались разные модели именования погостов. Модель номинации, типовая для Водской пятины, к которой относился Корельский уезд, представляет собой структуру, состоящую из производных адъективов-приложений на *-ский/-ской* (Васильевский Ровдужский погост, Михайловский Сакульский погост и др.). На первое место ставилось прилагательное, отсылавшее к наименованию приходской погостской церкви, на второе место — прилагательное с топографическим признаком указания на исконное собственное имя селения (иногда — имя реки, водоема), при котором был обустроен погостский центр. Церковный признак, считавшийся приоритетным и регулярным при описании погостов-округов, часто не указывался при описании погостов-мест, где допускались разные варианты номинации. Такая схема описаний устойчиво воспроизводится в письменной документации на протяжении нескольких столетий вплоть до упразднения системы погостов в конце XVIII в. [Васильев, Вихрова 2014: 73–74]. В настоящей статье мы сосредоточимся главным образом на ранней письменной истории и языковой эволюции наименований погостских центров Корельского уезда, включая этимологии стоящих за ними прибалтийско-финских топонимов.

Самым северным погостом бывшего Корельского уезда являлся **Ильинский Иломанский**. На заре своей истории этот погост прошел через те же этапы русско-шведского противостояния, что и более южные погосты. Но, в отличие от последних, после Второй мировой войны центральное селение погоста осталось в составе Финляндии и сейчас административно принадлежит финской провинции Северная Карелия.

Новгородская писцовая книга 1500 г., описывая селения, принадлежавшие погосту *Ильинской Иломанской* с церковью Ильи Пророка, сообщает также о д. *Иломанец у Ильи святого у погоста* [ПОКВП: 170, 174]. Надо полагать, производное наименование погоста образовалось при помощи форманта *-ской* от топонима *Иломанец*. В шведской,

финской и русской документации более позднего времени обнаруживаются записи *Ilmans Sochn* [ПККУ 1590: 270], *Ilomantsi Pogost* [ПККУ 1631: 506], с середины XVII в. — *Ilomans Pågosth*, *Ilomantsi*, *Иломанской погост* [ПККЛ 1637: 264, 438, 631]. По сообщению К. А. Неволлина [1853: 130], на картах 1-й половины XIX в. центром погоста указан кирхшпил *Иломаитс*, иначе *Иломанц* на одном из небольших озер в Куопиоской губернии Великого княжества Финляндского.

Топоним *Иломантси* (совр. фин. *Ilomantsi*) оставался загадкой вплоть до недавнего времени. Народная этимология связывала его с наименованием погостской церкви Ильи Пророка, на такую возможность осторожно указывал и зачинатель изучения карельской топонимии В. Ниссиля [Nissilä 1975: 200]. В начале 2000-х гг. убедительная расшифровка топонима *Ilomantsi* была предложена финским исследователем А. Айкио. Он возвел его к прасаамскому прилагательному **elēmāñce* (совр. саам. *alimuš*) ‘самый верхний’, в котором праязыковая основа **elē* ‘верхний’ выступает в связке с показателем суперлатива **-māñce* [Aikio 2003: 101–102]. Будучи усвоенным в карельское бытование, оно приобрело в нем закономерный вид *Ilomančči* [Иломанччи], соответственно, фин. *Иломантси*. Первоначально название относилось к озеру (совр. *Ilomantsinjärvi*), при котором возникло селение и которое действительно является верхним в цепочке озер, стекающих в систему р. Вуоксы.

Этимология А. Айкио поддерживается не только фактором топографии, но и тем обстоятельством, что топоним не является уникальным, такая мотивационная модель повторяется неоднократно на Северо-Западе России. Своеобразными «тезками» *Иломантси* выступают имена рек *Ильмаж*, *Ильмеж*, *Ильмеш*, *Ильмаза* на Русском Севере, озер *El'muz*, *Elmüsjärvi*, *Elmüsjärvi* и рек *Илеменз* и *Ilmetjoki* (< **Ilmesjoki*) в Карелии. Аналогичная модель бытует и в прибалтийско-финской гидронимии. Она представлена озерными именованиями *Ylimäini* ~ *Ylimäisjärvi* в Карелии, *Ylimmäinen* в Финляндии: *yli* ‘верхний’ + показатель суперлатива *-mäinen* (*-mäini*), который в формообразовательной парадигме приобретает вид *-mäise*. Видимо, в этом же ряду стоит и название оз. *Ильмень* < **Ylimäine* [Муллонен 2018: 12–17].

Никольский Сердоловский погост с центром в селении Сердоловь, совр. гор. Сортавала, располагался на северо-восточном берегу Ладожского озера. В русских источниках впервые его упоминает писцовая книга 1500 г.: *погост Никольской Сердоловской*, там же отмечена *волость Спаская Валамского монастыря въ Сердолови* [ПОКВП: 143, 166]. В XVII в. наряду с *Сердоловом* появляется вариант *Сердоболь* [Левашов 1988: 75], подписанный единственным на картах 1-й половины XIX в. [Неволин 1853: 130]. В шведских источниках название имело вид *Sordawala* 1554 г., *Sordawala* 1581 г., *Sordabolschi eller Micholski Sochn* 1589 г., *Sordowala* 1648 г., *Sordawala* 1767 г. [Lehikoinen 2018: 36]. Первое упоминание — в шведском документе о нарушении русско-шведского пограничного соглашения — относится к 1468 г. В нем топоним представлен в трех разных написаниях: *Sartwal*, *Sortewala* и *Sortawala* [Hausen 1924: 308–309]. Они воспроизводят освоенную уже финнами форму, близкую или практически совпадающую с современной. Это и понятно: шведы, владевшие в тот период этой территорией, просто использовали в своей части договора финское написание карельского топонима (новгородский оригинал договора, к сожалению, не сохранился). Финнизированный вариант устоялся и продолжает употребляться в совр. *Сортавала*, как правило, со смещением на третий слог ударением.

Принципиальный вопрос, возникающий в связи с поисками этимологических истоков названия погоста, — как соотносятся между собой совр. *Сортавала* (фин. *Sortavala*) и устаревшее *Сердоловь/Сердоболь*? Считается, что они имеют единые истоки, но мнения о том, какой из вариантов первичен, разнятся: от примарности *Sortavala* до осторожного признания первичности русской формы *Сердоболь* [Левашов 1988: 75]. Между тем акценты должны быть смещены: какое из названий — финское или русское — адекватнее отражает карельский оригинал? Мысль о первичности русск. *Сердоболь* не вписывается в общую схему номинации приладожских погостов Водской пятины, производные наименования которых (за исключением *Городенского*, см. ниже) отсылают к прибалтийско-финскому

названию места или местности. Более того, на основе финской орфографической записи хорошо реконструируется карельский исходный ойконим, который в соответствии с древнекарельской фонетикой имел вид **Sordavala* и соответствовал типологически средневековым карельским ойконимам Приладожья.

Вообще происхождение топонима *Sortavala* < карел. **Sordavala* неоднократно привлекало к себе внимание, при этом спектр интерпретаций широк. Среди них встречаются сугубо народноэтимологические сближения основы *Sort-* с русск. *черп*¹. В научном дискурсе² обсуждалось возведение топонима к финскому причастию *sortawa* ‘рассекающий’ с топографическим обоснованием: город стоит на берегу залива, глубоко вдающегося в берег Ладожского озера, рассекающего его [Грот 1899: 198]. Значительно более обоснован отантропонимный подход, тем более что формант *-la* является маркером ойконимов, который к тому же всегда в традиционной прибалтийско-финской топонимии функционировал в связке с антропонимом. В случае с *Сортавалой* это древнее прибалтийско-финское имя или прозвище *Sortava*, выраженное формой причастия от глагола *sortaa* ‘ломать, крушить, валить (например, лес)’, но ему присуща и более абстрактная семантика ‘угнетать, тиранить, подавлять, притеснять’. Подобные причастные именованья были обычны для древнекарельского именослова, например *Tietävä* ‘знающий’, *Kuuleva* ‘слышащий’, *Horjuva* ‘болтающийся, шатающийся’, *Ottava* ‘берущий’, *Vihava* ‘злобствующий’ и др. [Nissilä 1975: 123]. В качестве мотива выдвигалась версия о том, что имя имело семантику ‘рубящий подсеку’ [Ibid.], хотя с точки зрения типологии прозвищных именованья, как правило, негативных по содержанию, не менее, а может, даже более обоснованно исходить из значения ‘тиран, угнетатель’. При этом реальное бытование антропонима в прошлом подтверждается фамилиями *Sordava* и *Sordavainen* (*per sortaua*, *Joan Sordauainn*, *Oloff Sordauainen*, *Kauppi Sordauann*), присутствие которых засвидетельствовано документами XVI в. в общине *Uusikirkko* (совр. Поляны Выборгского района Ленинградской области), в которую, кстати, входила до Второй мировой войны и д. *Sortavala*, полная «тезка» приладожской Сортавалы [Lehikoinen 2018: 37].

Косвенной поддержкой отантропонимной этимологии следует считать и ту ойконимическую среду, неотъемлемой частью которой является название *Сортавала*. Книга Водской пятины 1500 г. [ПОКВП] упоминает в ближайших окрестностях этого города десятки названий деревень, оформленных концевкой *-la*, которая присоединяется к основе, выраженной именем, как правило, некалендарным, или прозвищем (возможно, родовым). Большинство из этих ойконимов, кстати, дожили, несмотря на все перипетии истории, до сегодняшнего дня: дд. *Гелюля*, *Гимбола*, *Кармола*, *Пуйкала*, *Рекала*, *Тулола*, *Марила* из ПОКВП на современной карте Сортавалы обозначены как *Хелюля*, *Хюмпеля*, *Кармала*, *Пуйккола*, *Риеккала*, *Тулола*, *Марила*. Название гор. *Сортавала* самым естественным образом встраивается в этот ряд.

Таким образом, топоним *Сортавала* (< карел. **Sordavala*) и структурно, и семантически входит в число традиционных карельских ойконимов.

Какова в этом контексте позиция названия *Сердоволь*? Оно не может быть объяснено из лексических ресурсов русского языка и в целом — славянских языков. Вместе с тем *Сортавала* непосредственно не определяет появление *Сердоволь*, т. е. русский вариант

¹ В соответствии с примитивно-этимологическим осмыслением, *Сортавала* — это «место, где установилась власть (фин. *valta* ‘власть’) черта, изгнанного монахами с Валаама при освящении острова». В иной версии этого толкования топоним выводили из заклинания монахов «*Черт, вали!»*, произносившегося при изгнании.

² Вне научного обсуждения находится абсолютно надуманная интерпретация названия *Сортавала* как сложного слова, состоящего из двух элементов (фин. *sortua* ‘падать, рушиться’ и имени языческого бога *Ваала*) и связанного якобы с уничтожением места языческого культа [Михайлова 2016]. Она противоречит номинативным принципам и типологии прибалтийско-финской ойконимии.

не модифицирован прямо из финского. Как *Сортавала* (фин. *Sortavala*) — это финнизированная форма, так и *Сердоволь* — русифицированная форма исконно карельского топонима *Sordavala, появившегося на ранней территории проживания карельского народа и первоначально не знакомого ни собственно финнам, ни новгородцам.

Средневековые новгородцы вряд ли познакомились с карел. *Sordavala* до учреждения в этом карельском селении Никольского Сердовольского погоста. Это произошло не ранее XIV в., который отмечен созданием в Северном Приладожье сети церковных приходов и началом широкого распространения православия среди местного карельского населения [Очерки 2001: 280]. Предпочтительнее вести речь о 2-й половине XIV в., опираясь на дату основания ближайшего к Сердовольскому погосту монастыря на острове Валаам, появление которого относят обычно к концу XIV — началу XV в. [Там же: 276, 280]. Предполагаемая эпоха знакомства новгородцев с карел. *Sordavala* вполне отвечает особенностям русской адаптации этого названия. По крайней мере в XIV в. уже деактуализовались древнерусские (конкретнее — древненовгородские) закономерности, под действие которых мог попасть карельский топоним. В частности, сегмент *Sorda-* уже не мог преобразоваться в *Сорода-*, поскольку осталось в прошлом действие древнерусского полногласия, не действовал в указанную эпоху и переход приб.-фин. *v* > др.-новг. *б*, хотя приб.-фин. *a*, вероятно, еще давало др.-русс. *о*. Разумеется, не могло быть никакого, даже случайного, смешения гласного *о* в *Sordavala с др.-русс. гласными *ѣ* или *ь*, поскольку в указанную эпоху редуцированные уже исчезли.

Глубокую фонетическую переработку карел. *Sordavala в русск. *Сердоболь* нельзя объяснить ничем иным, кроме устно-разговорного переосмысления «темного» иноязычного названия по облику понятного созвучного русского слова. Вообще говоря, подобного рода народная этимологизация в истории топонимии (как, впрочем, и в истории лексики) — частое, но не всегда отслеживаемое явление. Отдельные факты хорошо известны, например, древнерусское имя шведского гор. *Стокгольм*, усвоенное как *Стекольна* по связи со *стекло*, *стекольный*, или гор. *Выборг* (< швед. *Viborg*), которое порой изменялось в др.-русс. *Выборъ*, ст.-русс. *Выбор* по народноэтимологической связи с *выборъ* [Ан. РЭС, 9: 124].

Еще М. Фасмер писал о том, что название *Сердоболь* появилось благодаря сближению фин. *Sortavala* с русск. *сердобольный* [Фасмер, III: 605]. Эту важную мысль Фасмера следует уточнить и подкрепить некоторыми дополнительными соображениями. Как выше уже говорилось, нужно исходить не из финнизированной формы, а из карел. *Sordavala, давшего старое русск. *Сердоволь* (а не *Сердоболь*). При переосмыслении карельский топоним воспринимался русскими как некое сложное слово, в котором сегмент *Sorda-* был переименован по облику русск. *сердо-* (: *сердце*) некоторых сложений. В самом деле, компонент *сердо-* уже оказывался результатом вторичных, народноэтимологических преобразований. Отличной иллюстрацией аналогичного процесса выступает русск. *сердолик*, др.-русс. *сердоликъ* (*середоликъ*) — обозначение полудрагоценного камня, который в древнерусских церковнославянских текстах известен в вариантах *сардониксъ*, *сардоникши*, *сардионъ*, *сардий*, см. [СлРЯ XI–XVII, 23: 64–65; 24: 78] (< греч. *σαρδόνιξ*, *σάρδιον* ‘сардский камень’)³. Таким образом, изменение сегмента *Sorda-* > *Сердо-* в карельском топониме осуществилось по образцу уже состоявшегося древнерусского незакономерного изменения *сядо-* > *сердо-*, пережитого обозначением полудрагоценного камня⁴. Данное изменение древнерусской лексемы произошло не позднее 1-й половины XIV в. и поначалу затронуло только первую часть лексемы; ср. производное *сердониный* ‘сделанный

³ В данном случае переосмысление произошло под влиянием «красного, а точнее, мясного цвета камня, символически связанного с сердцем» [Кучко 2023: 258].

⁴ В этой связи обращает на себя внимание любопытный термин *сердоболит* ‘горная порода [какая?]. Петерб., 1865’ [СРНГ, 37: 188], сближающий название гор. *Сердоболь* с обозначением некоего минерала (быть может, как раз с *сердолик*?).

из сердолика⁵ в грамоте около 1339 г. [СлРЯ XI–XVII, 24: 78] (< *сердоникъ < *сардониксъ*). Целиком измененные *сердолик*, производное *сердоличный*, в которых, помимо первой, была модифицирована и вторая часть — по слову *лик* (: *лицо*), закрепились в языке не сразу: судя по сохранившимся записям, это случилось не ранее XV–XVI вв. Сначала произошла частичная (*сердоничный*), а затем полная (*сердоличный*) ремотивация лексемы, причем модифицированный сегмент *сердо-* повлек за собой переосмысление второго сегмента. Сходный процесс последовательной ремотивации в русской речи, надо полагать, пережил и карельский топоним *Sordavala. Вначале была переосмыслена первая часть *Сердо-* (< *Sorda-*), что спровоцировало дальнейшее переосмысление сегмента *-vala* в *-воль*, явно через сближение с корнем *вол*² — многих русских слов, таких как *воля*, *вольный* и т. п. Квалифицировать появление *-воль* (< *-vala*) закономерностями фонетики (например, в силу перехода приб.-фин. *a* > др.-русс. *o* и редуцирования гласной концовки при ударном начальном слоге четырехсложного имени) крайне сомнительно хотя бы потому, что данные процессы в известной мере факультативны, а самое главное — не объясняют смягчение *l* > *л*³. Переосмысленное *Сердоволь* воспринималось как сложение двух известных русских основ⁵, однако не выражало законченного смысла всего композита. Поэтому на следующем этапе, уже к концу XVI в. (судя по швед. *Sordabolschi eller Micholski Sochn* 1589 г., см. выше), произошла окончательная ремотивация топонима — в *Сердоболь*, по облику др.-русс. *сердоболь* ‘родственник, близкий по крови человек; соплеменник’, ‘близкий человек’ [СлРЯ XI–XVII, 24: 77], русск. *сердобольный*. Впрочем, вариант *Сердоболь* не смог вытеснить полностью раннюю форму *Сердоволь*, оба варианта продолжали конкурировать вплоть до XX в.

Воскресенский Соломянский погост располагался на северо-восточном берегу и прибрежных островах Ладожского озера, в устье реки Тулемайоки. В писцовой книге Водской пятины 1500 г. содержится характерная для эпохи перехода новгородских земель под власть Москвы запись: «Въ Заднѣй же Корелѣ Воскресенскомъ же погостѣ въ Соломянскомъ Великого Князя волость Соломяна, что была за владыкою» [ПОКВП: 180]. Земли, управлявшиеся новгородским архиепископом, отошли великому князю Ивану Третьему. С середины XVI в. сохранилась запись о погосте *Воскресенской Соломанской* [ПКВП 1568: 171]; в 1637 г., когда земли погоста, как и всего Корельского уезда, уже отошли Швеции, было составлено русскоязычное описание его северной части и в нем упомянут *Соломенской погост* [ПККЛ 1637: 720]. К. А. Неволин [1853: 125] на месте главного селения средневекового Соломянского погоста указывает отмеченный на картах 1-й половины XIX в. кирхшпил *Салмис* на одной из губ северо-восточной оконечности Ладожского озера. В свою очередь, в шведских документах XVI–XVII вв. использовались записи *Salmis Sochn* [ПККУ 1590: 282], *Salmis pogost* [ПККУ 1631: 542]; *Salmis Pâgosth* или *Sallmis* 1637 г. [ПККЛ 1637: 341, 446], которые позволяют возводить топоним к карельскому термину *salmi* ‘пролив’. Название в полной мере оправдано топографически: выход из ладожского залива, на берегу которого стоит населенный пункт, в открытое озеро осуществлялся через узкий пролив между материком и островом Лункулансаари.

⁵ Первая из основ — сегмент *серд(о)-* — встречается как народноэтимологический модификат не только рассмотренных выше соотносимых лексических и топонимических фактов, но и лексической основы *серед-* (: *середина*). Ср. русск. диал. *сердовач*, *сердович* ‘человек средних лет’, *сердохрѣстье* ‘среда на четвертой неделе Великого поста’, перм. *сердолицы́й* с невыясненным значением и др. [СРНГ, 37: 188–189], новг. *серди́нник* ‘вид пирога с начинкой из крупы и селедки’ [НОС: 1077]. Вряд ли изменение *серед-* > *серд-* во всех случаях такого рода надо списывать на обыкновенную редуцию с утратой гласного, скорее речь должна идти о сближении с *сердце*, например, новг. *серди́нник* допускает мотивировку не столько по признаку срединного расположения начинки, сколько по форме пирога, напоминающей сердце. Данные факты отражают повышенный потенциал незакономерного появления сегмента *сердо-* в русском языке, хотя и не имеют прямого отношения к истории топонима *Сердоволь* / *Сердоболь*.

Русское наименование погоста в самой ранней его записи 1500 г. — *Соломянской* — восходит к топониму *Соломя*. Он фактически является др.-русск. термином *соломя* ‘пролив, протока’ [Срезневский, III: 461; СлРЯ XI–XVII, 26: 135], закрепленным в проприальной функции за конкретным локусом — селением возле одного из проливов на ладожском побережье. Селение, именовавшееся по-русски *Соломя*, а по-карельски *Salmi* (карельский ойконим сохраняется до сих пор — пос. *Салми* Питкярантского р-на), новгородцы сделали центром своего погостского округа, поставив там приходскую Воскресенскую церковь. Название *Соломя* (как и стоящий за ним термин *соломя*) изменялось по падежам с наращением *-ен/-ян-*, которое оставалось перед суффиксальным формантом *-ской* также в производных колеблющихся формах *Соломенской* / *Соломянской* / *Соломанской*⁶. Данные погостские наименования отметили обустройство погоста в *Соломяни* / *Соломени*. От косвеннопадежной основы *Соломян-* ойконима было образовано (с помощью суффикса-флексии *-а*) название р. *Соломяна*, известное из писцовой книги 1500 г. (совр. р. Тулемайоки), а по реке, в свою очередь, стали именовать волость *Соломяна*, упомянутую этим же источником. Хотя ойконим *Соломя* и карел. *Salmi* имеют единый этимологический источник (< карел. *salmi* ‘пролив’), облик древненовгородского ойконима нельзя считать результатом прямой фонетической адаптации *Salmi*. Дело в том, что заимствование восточными славянами приб.-фин. *salmi* ‘пролив’ случилось весьма рано, скорее еще до начала II тыс. н. э. (см., например, [Филин 1972: 533]). На древность заимствованного термина *соломя* намекают, во-первых, преимущественно дописьменная хронология языковых процессов его славянизации, таких как полногласная рефлексия основы⁷, оформление по древнему консонантному склонению на **-men*, во-вторых, сравнительно раннее проникновение *соломя* в письменность (конец XIV в.), в-третьих, остаточные ареальные проявления *соломя* на рано славянизированной новгородско-псковской территории, включая юго-западные пределы⁸. Похоже, славяне освоили термин *соломя* ‘пролив’ еще в Ильмень-Волховском бассейне. Когда новгородцы добрались до северо-восточного побережья Ладоги и познакомились с карел. *Salmi*, они, понимая апеллятивный смысл данного ойконима-термина, заместили его созвучным и равнозначным др.-русск. *Соломя*. Таким образом, предпочтительнее вести речь не о фонетической адаптации, а о топонимической субституции карел. *Salmi*.

Богородицкий Кирьяжский погост впервые появляется в письменных источниках с XIV в. Комиссионный список Новгородской I-й летописи под 1396 г. упоминает этот погост под формой *Кюрьеский* вместе с Кюлолашским погостом: «Того же лѣта пришедше Нѣмци в Корѣльскую землю, и повоеваша 2 погоста: Кюрьеский и Кюлолашский» [НПЛ: 387]. Наименование погоста варьируется среди списков самой этой летописи и по иным, более поздним новгородским летописям XV в.: кроме *Кюрьеский* Комиссионного и Академического списков НПЛ, имеется еще форма *Кюрьеский* Толстовского списка [Там же], в Новгородской IV-й летописи — погост *Кюрьевский*, в Софийской I-й летописи — *Кирьевский*, в Летописи Авраамки — *Кирьеский* [Материалы 1941: 89]. Новгородская грамота

⁶ Нарращение *-ен-* является первичным. Начиная с XV в. в говорах, особенно севернорусских, наблюдается конкуренция *-ен-* с новым *-ян-*, которое возникло путем контаминации флексивных элементов (*солом-я* + *солом-ен-и* = *солом-ян-и*). Поэтому в письменности XV–XVI вв. написания типа *времяни*, *имяни*, *племяни* и т. п. не редкость [Хабургаев 1990: 76–77]. Это объясняет вариантность погостских наименований *Соломенской* / *Соломянской*. Что же касается варианта *Соломанской*, то он возник как результат спорадического отвердения согласного в *Соломянской*.

⁷ У восточных славян, впрочем, этот процесс завершился достаточно поздно: по мнению С. Б. Бернштейна [2005: 218–219], не ранее X в.

⁸ Таковы новг. (1963 г.) и пск. *сѡлѡмя* ‘узкий пролив, протока’, *сѡлѡменный* ‘проточный’ 1902–1904 гг. [СРНГ, 39: 293, 296], оз. *Соломенное* / *Соломино* близ Торопца, в самом деле представляющее собой расширение русла р. Торопы с узким проливом, р. *Соломенка* с руч. *Соломский* в районе Старой Руссы и др.

на бересте № 248, стратиграфически датированная 80-ми — 90-ми годами XIV в., представляет собой письмо, открывающееся словами: «Бѣють челомъ корила погоскаа, Кюлоласкаа и Кюриескаа господину Новугороду». Речь идет о письме карел, живущих на территории Кюлолакшского и Кирьяжского погостов, которые обращаются в Новгород за защитой от шведских грабежей [Зализняк 2004: 623–624]. Из этого документа следует, что интересующий нас погост именуется *Кюриеский*. Писцовая книга Водской пятины рубежа 1500 г. отмечает погостские наименования *Богородицкой Кирьяжской*, *Кирьяшской*, а также *Курьяжской* («В Курьяжскомъ же погостѣ великаго князя волости»), кроме того, упомянута р. *Кирьеша*: «на рѣцѣ на Кирьешѣ» [ПОКВП: 120, 122, 124, 127, 128]. Финское название этого новгородского погоста — *Kurkijoki* — впервые обнаруживаем в шведской переписной книге Корельского уезда 1590 г., где оно передано в виде *Kurchiochi* [ПККУ 1590: 265], причем книга отмечает финский топоним совместно с русским: *Kiriaschoi* или *Kurchiochi Sochn* (т. е. *Кирья(ж)ской* или *Куркиёки*), не оставляя сомнений в их тождестве. Далее форма *Kurchiochi* закрепляется в документах писцового делопроизводства и на картах шведского периода. В XVII в. селение получило примерно на 100 лет статус города со шведским названием *Kronoborg* ‘коронный город’. Современное название — пос. *Куркиёки* Лахденпохского р-на — является транслитерацией финского варианта *Kurkijoki*.

«Колеблющиеся» наименования Кирьяжского погоста в новгородской письменности XIV–XVI вв. (*Кюриеский* / *Кюрьеский* / *Кюрьский* / *Кюрьевский* / *Кирьевский* / *Кирьеский* / *Кирьяжской* / *Кирьяшской* / *Курьяжской*) и фиксации *Kurchiochi* / *Kurkijoki* (совр. *Куркиёки*) шведских и финских письменных документов подразумевают общий исторический карельский топоним с разнообразием его фонетической адаптации и письменной передачи в разноразличных средах. Опора на шведско-финские данные сразу же позволяет восстановить исходный карельский топоним в виде **Kurgijogi* со значением ‘журавлиная река’. Карельская форма до сих пор передается в финском облике с оглушением звонкого карел. *g* (*Kurkijoki*), что отражают и шведские средневековые документы. Более сложен вопрос появления многочисленных русских вариантов, которые тоже возводимы к карел. **Kurgijogi*.

Вообще говоря, возникновение русских топонимных вариантов с гласной меной первого слога (*Кур-*, *Кир-*, *Кюр-*) можно трактовать двояко — не только на древнерусской, но отчасти и на карельской языковой почве. В самом деле, закономерная для карельских говоров Приладожья утрата гласного *i* второго слога [Новак и др. 2019: 45] могла привести к исчезновению *г* и далее к полной редукции второго слога, что разгружало консонантный кластер на стыке двух основ сложения: **Kurgijogi* > **Kurgjogi* > **Kurjogi*. Это влекло за собой палатализацию *r* > *r'*, а в дальнейшем передвижку гласного *u* > *y* в первом слоге, т. е. **Kur'jogi* > **Kyr'jogi*. Однако, учитывая, что фин. *Kurkijoki* отсылает к карел. **Kurgijogi*, не затронутому вторичными фонетическими изменениями, логичнее исходить из того, что карел. **Kurgijogi* изменили не сами карелы, а средневековые новгородцы, после того как познакомились с названием карельского селения и учредили при нем погостский центр. Его существенную фонетическую русификацию оптимально связать с эпохой падения редуцированных. Карел. *i* второго слога воспринималось тогда еще как слабый *ь*, подлежащий утрате, а упрощение труднопроизносимых групп согласных, образовавшихся после падения редуцированных, относится к числу регулярных процессов русского языка XIII–XIV вв. Следовательно, на первом этапе карел. **Kurgijogi* обратилось в др.-русс. **Курьѣга* или **Курьѣга*⁹, от которого закономерно, с морфонологическим чередованием *г/ж*, образовалось наименование погоста *Курьяжской*, зафиксированное писцовой книгой 1500 г. На следующей стадии русификации возникло специфическое варьирование топоосновы *Кур-/Кюр-/Кир-*, которое демонстрируют новгородские летописи и писцовые книги. Такое

⁹ Ударение русифицированной формы сохранялось на первом слоге, что обеспечило передачу карел. *u* в виде др.-русс. *y*. Детерминант *jogi* ‘река’ при русской адаптации легко модифицировался в *-ѣга* или *-ѣга*. Севернорусская гидронимия прибалтийско-финского происхождения содержит массу примеров этих двух типов преобразования.

колебание основы невозможно считать результатом закономерного звукового развития на русской языковой почве, однако оно вполне объяснимо тривиальной «подгонкой» усвоенного новгородцами иноязычного топонима под облик хорошо известных древне- и старорусских календарных имен на *Кюр-/Кур-/Кир-*. Новгородское берестяное письмо знает «колеблющиеся» личные имена *Кюръ* и *Куръ*, *Кюрила* и *Курила*, *Кюрикъ* (см. [Зализняк 2004: 752–754, гр. 373, 138, 729, 220, Пск. 6])¹⁰, дополняемые по другим, обычно более поздним письменным источникам, вариантами *Кир*, *Кирил(а)*, *Кирик/Курик*, а также и самостоятельным именем *Кириак/Курьяк* и т. п., см., например, [Суперанская: 209].

Способом формальной «подгонки» под варианты формы *Кюръ/Киръ/Куръ* известного календарного имени (< греч. κύριος ‘господин, владыка; хозяин’) новгородцы явно пытались истолковать обсуждаемое иноязычное название. Наименование погоста *Курьяжской*, хотя и зафиксированное поздно — под 1500 г., но фактически отсылающее к первоначальному *Курьяга (< карел. *Kurgijogi), новгородцы сближали с антропонимом в варианте *Куръ*. С иным вариантом этого же антропонима — *Кюръ* — сблизились погостские наименования *Кюрьеский/Кюриеский/Кюрьеский/Кюрьский*, донесенные новгородской документацией XIV–XV вв. Антропонимная форма *Киръ*, в свою очередь, обусловила появление наименований *Кирьеский/Кирьеский* новгородских летописей XV в. и *Кирьяжской/Кирьяжской* писцовой книги 1500 г. и последующей документации. Показательно, что погостские наименования на *Кюр-* появляются только в ранних записях конца XIV — 1-й половины XV в., тогда как в более поздних находим формы на *Кир-* (< *Кюр-*) и на *Кур-*. Эти факты не случайны, они согласуются с хронологией форм в системе антропонимов: древнерусские формы на *Кюр-* (*Кюръ*, *Кюрикъ*, *Кюриль* и т. п.) в старорусское время замещались на *Кур*, *Кир*, *Кирик*, *Кирил*, *Кирил*.

Наряду с колебанием гласных первого слога, письменные фиксации показывают фонетическое варьирование второй основы карельского топонима, восходящей к детерминанту *-jogi*. Написания *Кюрьеский/Кюриеский/Кирьеский* отражают упрощение мягкого шипящего *ж'* перед суффиксом *-ск-* (< *-ьск-*), которое имеет ассимилятивную природу. Оно могло реализоваться только после утраты редуцированного в суффиксе, причем диалектная древненовгородская возможность смешения мягких *ж'* и *з'* способствовала ассимиляции *ж'ск* > *з'ск* > *ск*. На месте упрощенного *ж'* иногда наблюдается вставка *в* (*Кюрьеский/Кирьеский*), благодаря чему возникает псевдосуффикс *-ев-*. Полученные формы имитируют структуру русских адъективных дериватов от личных имен с финалиями *-ей*, *-ий* (типа *Кюрией*, *Кирей*) и, следовательно, наиболее отчетливо сообщают о русской антропонимной ремотивации иноязычного топонима. Фиксации наименований без согласного *ж* принадлежат эпохе XIV в., отчасти XV в., когда этот звук еще мог оставаться неотвердевшим. Сравнительно поздние фиксации 1500 г. и XVI в. демонстрируют уже окончательно отвердевший *ж*, не исчезающий перед *-ск-*: *Кирьяжской/Кирьяжской/Курьяжской*.

Центральным погостом-округом Корельского уезда был **Воскресенский Городенский**, а его главным селением — город-крепость *Корела* на западном берегу Ладожского озера, давший название уезду. Из Софийской I-й летописи известно, что в 1295 г. шведский отряд проник к устью Вуоксы и «поставиша Свѣйские Нѣмци городъ въ Корѣлѣ» [ПСРЛ, V: 202], который в хронике Эрика называется Кексгольмом (*Kekes-holm*) [Рыдзевская 1978: 112]. В том же году крепость была уничтожена новгородцами. Далее на месте обветшалых укреплений в 1310 г. новгородцы «срубиша городъ на порозѣ новъ, ветхыи

¹⁰ Производные от древненовгородских личных имен *Кюръ*, *Кюрикъ* встречаются в писцовых книгах XV–XVI вв., которые содержат сведения о владельцах земель с патронимом *Кюров* (Кюров Емельян и Кюров Митрофан в Шелонской пятине, Кюров Михаил в Бежецкой пятине) и о д. *Кюриково* [НПК, V: 388; VI: 400; IV: 276]. В средневековой письменности встречались еще варианты имена *Чюръ*, *Чюриль* (откуда пошли производные фамилии *Чуров*, *Чурилов*, *Чурилин*), происходившие из форм *Кюръ*, *Кюриль* благодаря замещению мягкого *к'* мягким *ч* (уподобление процессу первой палатализации).

сметавше» [НПЛ: 92–93, 333], который в последующих сообщениях XIV в. Новгородской I-й летописи устойчиво именуется *Корельский городок* / *Корельский город* или сокращенно *Корельский* [НПЛ: 92–94, 96, 335, 338, 346, 367, 379, 477]. В писцовой книге Водской пятины 1500 г. Корельский уезд открывается описанием селений *Городенского* погоста, его центр именуется *Корельской городок*, или *городок Корела*: «у городка у Корель» [ПОКВП: 8, 16, 30].

Производное *Городенский* — единственное из наименований приладожских погостов-округов, которое не отсылает к прибалтийско-финскому топониму. Оно образовалось от терминов *городок*, *город* (< др.-русс. *городѣкъ*, *городъ*), постоянно сопровождавших название погостского центра, судя по средневековым новгородским источникам. Наименование *Городенский* было закреплено еще за несколькими погостами Новгородской земли, центры которых располагались в *городах*, т. е. в *городных* (укрепленных) местах. На территории Водской пятины, помимо обсуждаемого *Воскресенского Городенского* погоста, значились *Дмитриевский Городенский*, *Успенский Городенский* и *Спаский Городенский* погосты, в Деревской пятине был свой погост *Городенский*. Топонимия на *Город* (*Городно*, *Городня*, *Городец*, *Городок* и т. п.), указывавшая на ранее укрепленные селения или просто на огороженные участки, наблюдается в сотнях мест в области бывшего новгородского пятинного деления¹¹.

Шведское название городского центра Городенского погоста, в свою очередь, запечатлено в виде *Kexholm* 1468 и 1482 гг., *Käkisholm*, *Käkssholm* 1473 г., *Kexholm* 1542 г., *Käkisalmj* 1556 г., *Käkisholm* 1603 г., в дальнейшем — *Kexholm* [Lehikoinen 2018: 23–24]. Оно перекликается с карельским и финским *Käkisalmi* ‘кукушкин (кукушений) пролив’, хотя и не соответствует ему полностью. Видимо, за *Kexholm* (швед. *-holm* ‘островок’) мог скрываться утраченный карельский прототип *Käkisoari (карел. *-soari* ‘остров’), отражающий расположение крепости на острове в начале пролива. При этом совсем необязательно видеть за *käki* ‘кукушка’ апеллятив, это может быть и антропоним, на что указывают некоторые шведские топонимические формы, в которых *-s-* в первом элементе топонима (*Käkis-*, *Käks-*, да и собственно *Kex-*) может интерпретироваться как шведское окончание генитива с функцией посессивности [FSB]. Родовой патроним (фамилия) *Käki* и производные от него *Käkinen*, *Käkönen* неоднократно встречаются в документах XVI–XVII вв. на Карельском перешейке: *Peder Käki*, *Iwan Käköinen*, *Jöns Käköinen* и др. [Sukunimet: 249].

Михайловский Сакульский погост с центром в селении Сакула (фин. *Sakkola*), ныне пос. Громово Приозерского района Ленинградской области, этимологически одно из самых прозрачных наименований погостов Корельского уезда. Его письменная история берет начало с переписей XVI в.: *погост Михайловской Сакульской над Сванским озером*, *Сакула над Сванским озером* под 1500 г. [ПОКВП: 33, 53], *дер. Сакула у озера у Сванского* [ПКВП 1568: 123]. В шведском списке *Sackula Sochn* 1589 г., *Sackula by* 1592 и 1613 гг., *Sackola* 1748 г., *Sackola* 1767 г. [Kepsu 2018: 405–406]. В краеведческих изданиях принято считать, что смена первоначального *и* на *о* в шведских источниках была вызвана ошибочным написанием. В действительности за ней стоят правила шведского правописания XVII в., требующие именно такого написания. В дальнейшем же облик *Sakkola* закрепился и в произношении, несмотря на протесты местных жителей и рекомендации Географического общества Финляндии [Wallin 1896: 43].

Этимологию названия предложил в свое время В. Ниссиля, связавший его с карельским антропонимом *Sakku*, как народным вариантом одного из двух православных имен — *Исак* и *Захарий* [Nissilä 1975: 97, 121]. Интерпретация нашла поддержку и у современных исследователей [Kepsu 2018: 406; Lehikoinen 2018: 33]. Однако не стоит упускать из внимания

¹¹ В частности, многочисленность топонимов *Городок* позволила обосновать существование на территории Новгородской, Псковской и Тверской областей живого диалектного термина *городок* со значением ‘возвышенное место, урочище, с которым связывают пребывание древних людей’ [Васильев, Вихрова 2020], не замечавшегося прежде.

и возможность нехристианских истоков имени, частых в древней ойконимии Корельского уезда. В этом случае речь может идти о прозвище, в котором воплотился апеллятив *sak(k)a* ‘черт (особ. в ругательствах); шут, посмешище; проказник’ [SKES, 4: 951] в сочетании с диминутивным формантом *-u*. При этом безусловная антропонимная природа ойконима подтверждается присутствием в нем суффикса *-la*, который в традиционной карельской топонимии был маркером ойконима (первоначально именования дома, в дальнейшем — (однодворного) селения) и всегда присоединялся к антропониму [Nissilä 1962a].

Сакульский погост дает убедительные примеры того, что здешняя топонимия складывалась значительно раньше рубежа XV–XVI вв., когда она оказывается задокументированной. Именно здесь, на территории погоста, на древнем волоке между озером Сванским, иначе Свань, входившим в систему р. Вуоксы, и Ладожским побережьем располагался небольшой средневековый торговый городок *Волочек Сванской*, упоминаемый книгой 1500 г. [ПОКВП: 7] как купленный Великим князем у Валаамского монастыря. Его название отсылает к оз. *Сванскому* (совр. оз. Суходольское), по-фински *Suvanto* — из фин., карел. *suvanto* ‘плёс’ [СКНГТ: 208]: озеро представляло собой фактически участок, разлившееся в течении р. Вуоксы. Пара *Suvanto* — *Сванское* позволяет реконструировать в основе русского варианта утраченный редуцированный гласный (**Съван-*) и констатировать в результате, что топоним был усвоен в русское бытование еще в древнерусское время, до падения редуцированных. Изучение берестяных грамот позволило установить, что неконечные редуцированные массово исчезали в первые десятилетия XIII в. и практически сошли на нет к концу этого столетия [Зализняк 2004: 59–60, диаграмма IX]. Следовательно, новгородцы должны были познакомиться с озером и его карельским названием *Suvanto* не позднее XIII в., а скорее еще раньше — в XI или XII в., когда редуцированные были вполне регулярны. Для позднерусской эпохи восстанавливалась бы основа **Суван-* (а не **Съван-* > *Сван-*), сохраняющая прибалтийско-финский гласный. Волок и селение при нем играли важную роль для сокращения пути и доставки товаров из внутренних областей Карельского уезда в Новгород и обратно, так что раннее возникновение новгородского варианта вполне объяснимо. Надо полагать, что при интеграции карельского топонима *Suvando (> фин. *Suvanto*) произошло упрощение образовавшейся при добавлении суффикса *-sk* группы согласных, приведшее к утрате *d*. В дальнейшем же из русского прилагательного уже вторичным образом абстрагировался вариант *Свань*, занесенный в ПОКВП.

Васильевский Ровдужский погост с центром в селении Рауту (фин. *Rautu*), на картах 1-й половины XIX в. — кирхшпиль Раутус к югу от оз. Сувандо [Неволин 1853: 133], ныне пос. Сосново Приозерского района Ленинградской области, — самый южный из погостов Корельского уезда. За финским названием *Rautu* стоит его карельский оригинал *Raudu. Наиболее ранние упоминания обнаруживаются в писцовой книге Водской пятины 1500 г.: *погост Васильевской Ровдужской*, иногда в форме *Ровдожской* [ПОКВП: 22, 30, 76 и сл.] и книгах середины XVI в.: *в Ролдужском погосте* [ПКВП 1539, 37–39], *в Корельском присуде погост Васильевской Ровдужской* [ПКВП 1568: 148]. Шведские записи XVI–XVII вв. приведены в [Kersu 2018: 380] и отражают исходную карельскую или финскую огласовку первого слога (*Rautha*, *Rauto*), а также закономерную неустойчивость смычно-взрывного *d* второго слога, который в ситуации закрытого слога в соседстве с лабиализованным гласным преобразовывался в *v* [Новак и др. 2019: 125–127]: *Raw*, *Rauu*, *Rawu*. Концовка *-s* (*Rautus*, *Rautis*) — окончание генитива, которое в древнешведском употреблялось с существительными мужского и среднего рода и широко использовалось в названиях хуторов и дворов. В шведских вариантах финских топонимов оно стало восприниматься как топонимический показатель [FSB].

Фиксируемое документацией XVI в. наименование погоста *Ровдужской* / *Ровдожской* / *Ролдужской* восходит к названию карельского селения *Raudu, в котором новгородцы устроили погостский центр. Поздние письменные фиксации топонимов (не ранее 1500 г.), конечно, не свидетельствуют о позднем учреждении погоста, напротив, расположение его, самое близкое к Новгороду среди остальных погостов Корельского уезда, подразумевает

древность освоения новгородцами этой местности. В указанных производных формах на *-ской* отражено несколько моментов ранней адаптации карел. *Raudu*. Здесь наблюдается рефлекс приб.-фин. *a* в виде *o* как свидетельство ранней интеграции топонима в официальное русское бытование. Приб.-фин. *u* после гласного перед согласным передано билабиальным *w*, который сравнительно долго сохранялся в новгородско-псковской зоне [Зализняк 2004: 55] и выступал заместителем гласного *u* в указанной слабой позиции, будучи согласным, очень близким к гласному по интенсивности колебания голосовых связей¹². Форма *Ролдужской* отражает спорадическое смещение *w* (> *в*) с боковым *л* в слабой предконсонантной позиции, известное субстратной севернорусской топонимии и заимствованной лексики; ср., например, варианты *Гавдозеро/Галдозеро* при вепс. *haud* ‘яма’, *Евчозеро/Елчозеро* при приб.-фин. *jouſen* ‘лебедь’ или сев.-русс. *рѡвдуга* ‘выделанная кожа оленя, лося, кабарги без шерсти, оленья, лосяная замша’ и т. п. наряду с *рѡлдуга* ‘шкура дикой козы, выделанная без шерсти’ [СРНГ, 35: 111–112, 170]¹³, ст.-русс. *ровдога* и *ролдуга* ‘ровдуга, выделанная оленья, лосяная или иная подобная шкура’, 1586 г. [Срезневский, III: 127].

Затруднительной остается только трактовка согласного *ж*, устойчиво закрепившегося при акте производства вариантов *Ровдужской/Ролдужской/Ровдожской* из карел. **Raudu* (> *Ровду-*). Этот согласный напоминает специфическую интерфиксальную вставку между гласным *u* и суффиксом *-ск-*, но скорее всего, мы имеем хорошо известный в русской лексике и топонимии суффикс *-уш-*, подвергшийся озвончению. Суффикс мог присоединиться к основе карел. **Raudu*, что при русификации топонима давало бы **Ровдуш-*, кроме того, он мог быть абстрагирован из элемента *-s-* прибалтийско-финских окончаний. Так, средневековые названия *Келтушского* погоста Водской пятины (совр. *Колтуши*) и д. *Кондуши* в Соломянском погосте, объясняемые из фин. *kelttu*, *keltto* ‘неплодородная, песчаная, сухая местность’ и карел. *kondu* ‘крестьянский двор; однодворная деревня’, вероятно, были получены путем присоединения русского суффикса *-уш* к прибалтийско-финским основам. Иную возможность появления *-ш-* иллюстрирует наименование находившегося рядом с Ровдужским *Куйвошского* погоста с главным селением *Куйвоша*. По-фински оно именуется *Kuivosii*, что выглядит как форма родительного падежа множественного числа патронима *Kuivonet* (ср. фамилию *Kuivonen*), указывавшая на ‘(селение) рода Куйвонен’. Значит, основа *Куйвош-* происходит здесь из *Kuivos(ii)*, а предпосылкой изменения *s* > *ш* могло стать недостаточное различение, вплоть до полного смещения, мягких свистящих и шипящих во многих говорах древненовгородского диалекта. Обе указанные возможности русской адаптации карел. **Raudu* ведут к появлению основы **Ровдуш-*, которая в дальнейшем могла превратиться в *Ровдуж-* (: *Ровдужской*). Новгородских фактов озвончения *ш* > *ж* в финалях топооснов обнаруживается немало¹⁴. Более того, нельзя исключать и вторичного нивелирующего влияния лексической основы *ровдуж-*, известной средневековым новгородцам; ср. вышеупомянутое сев.-русс. *рѡвдуга*, ст.-русс. *ровдога*,

¹² Аналогичное фонетическое изменение знакомо даже исконно русским лексемам, например русск. *завтра*, *завтрак* возникли из др.-русс. *заутра*, *заутрокъ* [Фасмер, II: 73] через промежуточное *заутр-*. Новгородская берестяная грамота № 417 содержит написание *завѣтрѣ*, где отразилось [zaw't'r-], развившееся из *заутр-* [Зализняк 2004: 81, 545]. После широкого закрепления губно-зубного *в* (< *w*) в русском языке гласный *у* в безударной поствокальной позиции обычно сохранялся неизменным.

¹³ Ср. еще известную фамилию *Ролдугин*, восходящую к этому слову.

¹⁴ Приведем лишь некоторые, из новгородской гидронимии: руч. *Моглажа* рядом с селением *Моглошь* в Среднем Поволховье (с суф. *-ош-*), р. *Любша* (с суф. *-ъш-*) с вариантами *Любжа*, *Люжба*, залив *Бронижа* в Верхневолжском вхр. на месте р. *Бранишня* (с суф. *-ш-*), р. *Апажа* с вариантом *Апаша* в бассейне Мсты, новгородская р. *Мологжа* при ярославской р. *Молокша*, р. *Сорогожа* бассейна Мологи, некогда называвшаяся *Сорогошина* (там же была волость *Сорогошино*).

ролдога — обозначение выделанной шкуры, но особенно его производные *ровдужий*, *ровдужина*, *ровдужный* [СРНГ, 35: 112]. К сожалению, письменные источники поздно упоминают древний Ровдужский погост (не ранее 1500 г.) и не свидетельствуют о более ранней основе **Ровдуш-*, как и о топониме **Ровдуж(а)*, от которого вполне ожидаемо производится наименование погоста *Ровдужской/Ролдужской/Ровдожской*.

Для исходного карельского топонима **Raudu* существуют по крайней мере две интерпретации, обе в определенной степени сомнительные. В свое время В. Ниссиля, крупнейший исследователь топонимии Карельского перешейка, предлагал, правда, под вопросом, сопоставлять его с фин. диал. *rautu* ‘речная форель’, которое реализовалось в названии оз. *Rautjärvi*, расположенного на территории погоста, а через него — в именовании селения [Nissilä 1975: 63]. Его оппонент Сауло Кепсу резонно обратил внимание на то, что термин бытует в говорах Приботнии и не известен на Карельском перешейке, и предложил, в свою очередь, реконструировать в названии озера карел. *rauda* ‘железо’, признавая при этом, что водоем расположен на самой окраине погоста, в отдалении от селения [Kerpsu 2018: 380].

Для этимологии полезно вписать **Raudu* (= фин. *Rautu*) в ряд других ойконимов Карельского перешейка с концовкой *-u*. Они немногочисленны, но составляют, тем не менее, однородную группу: *Tervu / Терву*, *Kirvu / Кирву*, *Harlu / Харлу*, *Paussu* (в составе пос. Харлу) и др. Она явно соотносится с многочисленными карельскими антропонимами на *-u*: *Hiltu* — Филат, *Jemmu* — Емельян, *Jeru* — Ерофей, *Mašu* — Мария, *Miku* — Михаил, *Ogru* — Агриппина, *Os'u* — Осип, *Riku* — Григорий, сюда же упомянутый в связи с историей названия Сакульского погоста карельский антропоним *Sakku*, соотносящийся с русск. *Захар* или *Исак*. В статье [Кузьмин 2016: 70], приводящей этот список, концовка *-u* вполне обоснованно считается суффиксом с диминутивной семантикой, ставшей своеобразным маркером личного имени. На апеллятивном уровне суффикс малопродуктивен и функции его несколько размыты, хотя в некоторых примерах (*härky* ‘бычок’ при *härkä* ‘бык’ и др.) и просматривается его диминутивное назначение [Hakulinen 2000: 184–185]. Видимо, перед нами пример универсальной закономерности, в соответствии с которой форманты, востребованные в онимах, теряют свою продуктивность в качестве апеллятивных суффиксов, и наоборот [Теория 1986: 167].

В этом контексте ойконимы следует рассматривать как восходящие к соответствующим антропонимам — именам, патронимам, прозвищам первооселенцев. Такой способ образования ойконимов, т. е. переход антропонима в ойконим при нулевой аффиксации, хорошо известен именованиям карельских селений, появившихся в более позднее время. Полагаем, что в карел. **Raudu* скрывается, соответственно, некалендарное имя или патроним **Raudu*, в основе которого карел. *rauda* ‘железо’. Показательно в связи с этим, что фамилия *Rauta* и суффиксальные *Rautanen*, *Rautava*, *Rautio*, *Rautala* широко бытуют в именослове Финляндии, будучи при этом зафиксированными и в ранних документах с территории Карельского перешейка [Sukunimet: 592–493]. Мотив именования не до конца понятен. Не исключено, что по крайней мере некоторые из патронимических образований могут указывать на профессию кузнеца (ср. фин. *rautio*, карел. *rautivo* ‘кузнец’).

Подведем некоторые **выводы**. Средневековые русские (древне- и старорусские), шведские и финские письменные материалы фиксируют названия семи новгородских приладожских погостов Карельского уезда в соответствии с фонетическими, лексическими и словообразовательными закономерностями своих языков. В разноязычной документации наблюдаются значительные колебания облика топонимов, что связано не только с собственно языковой спецификой их адаптации, но и с особенностями передачи топонимов в письменности — от более или менее правильного следования сложившейся орфографической норме вплоть до описок и ошибок, которыми нередко грешат и современные документы. Самые отличительные и многочисленные топонимные варианты запечатлены в средневековой русской (новгородской) письменности.

Наименования погостов Корельского уезда на *-ский/-ской* в систематизированной полноте дает новгородская писцовая книга 1500 г. [ПОКВП], она же содержит их первые письменные фиксации, за исключением Кирьяжского и Сердовольского погостов, древненовгородские и шведские свидетельства о которых идут с конца XIV в. и с середины XV в. Формы на *-ский/-ской* преимущественно были образованы от исконно карельских названий населенных пунктов, которые новгородцы учредили центрами погостских округов и церковных приходов. Название *Иломанского* погоста, самого северного в Корельском уезде, имеет предположительно древние саамские корни (прасаам. *elēmāñce ‘самый верхний’), однако ко времени писцовых описаний оно уже было основательно переработано карельским языком и именно через карельское посредство попало в русские источники. Наименование *Городенского* погоста отличается от всех остальных не только исконным, древнерусским происхождением (< *городъ*, *городькъ* ‘укрепленное место’), но и тем, что оно относилось только к погосту-округу. Укрепленный центр Городенского погоста носит разные имена в русской и шведской документации: новг. *Корельской город(ок)* и швед. *Kekes-holm* и т. п.

Некоторые из погостских наименований, прежде всего те из них, которые сильно «колеблются» на письме (*Кирьяжский*, *Ровдужский*, *Сердовольский*), в своем фонетическом развитии ушли весьма далеко от реконструируемых карельских топонимов-прототипов (*Kurgijogi, *Raudu, *Sordavala). В существенной степени это объясняется тем, что древненовгородская языковая адаптация данных карельских топонимов, помимо регулярных фонетических моментов, включала вторичное, народноэтимологическое сближение с созвучными лексемами и антропонимами. Это же справедливо и по отношению к названию погоста *Огреба* рядом с Корельским уездом (см. ниже). Вообще говоря, следует констатировать, что подобного рода ремотивация играет заметную (хотя обычно недооцениваемую) роль при русской адаптации иноязычных топонимов. К регулярности фонетических переходов нередко примешиваются нерегулярные внешние лексические воздействия. Идея о лексическом влиянии при адаптации топонимии применима также к трактовке наименования *Соломянского* погоста, которое, как мы полагаем, возникло путем замещения исходного карельского термина-топонима *Salmi (= *salmi* ‘пролив’) древнерусским термином *соломя* в этом же значении, который был ранее усвоен славянами Новгородско-Псковского региона от прибалтийско-финского населения.

Исходные карельские топонимы имеют двоякое происхождение. В одних воспроизводится обозначение природного объекта, при котором стоит центр погоста, а первоначально — то карельское селение, которое стало таким центром. Таковы названия *Кирьяжского* (*Kurgijogi), *Соломянского* (*Salmi*) и *Иломанского* (*Ilomantsi*, *Ilomančči*) погостов. Другие — *Сакульский* (*Sakkula*), *Ровдужский* (*Raudu), *Сердовольский* (*Sordavala) — содержат в основе антропоним, который должен квалифицироваться как патроним, личное имя или прозвище первопоселенца.

Явно антропонимные истоки имели названия еще двух древних карельских погостов — *Яскы* (карел. *Jeäski*, фин. *Jääski*) и *Огреба* (карел. *Äkräpeä*, фин. *Äyräpää*)¹⁵, отошедших по условиям Ореховецкого мирного договора к Швеции в 1323 г. Предполагается, что первое содержит в основе соответствующее карельское православное имя, восходящее к русск. *Ефим* или, возможно, *Иосиф* [Kerpu 2018: 166]. Однако с учетом древнего возраста погоста, продуктивности в ранней ойконимии Приладожья

¹⁵ Показательно, что фонетически в паре карел. *Äkräpeä* — русск. *Огреба* воплотилась та же модель ранней фонетической адаптации, которая известна в паре вепс. *Ä(ä)nižjärvi* — русск. *Онежское озеро*, т. е. в позиции начала слова приб.-фин. *ä* > др.-русс. *о*. Впрочем, применительно к паре *Äkräpeä* — *Огреба* нельзя не обратить внимания на дополнительное лексическое сближение с русск. *зреб-* (: *огребати*). В обоих случаях речь идет о древнерусских заимствованиях раннего периода.

нехристианского именослова, да и просто в силу фонетического облика наименования логичнее реконструировать в нем карельский прозвищный антропоним *Jeäski — из *jeäski* ‘упрямый, упертый, с плохим нутром человек’ [KKS, 1: 495, 498]. Второе принято связывать с языческим карельским божеством по имени *Akris* (см. эту и другие сомнительные интерпретации в [Lehikoinen 2018: 47]), хотя с точки зрения ойконимической типологии значительно надежнее исходить из карельского антропонима прозвищного характера *Äkräpeä из *äkräpeä* ‘упрямый, строптивый, сердитый’, букв. ‘упрямая голова’. Показательно, что оба эти погоста, наряду с *Сакульским* и *Ровдужским*, тоже сохраняющими в своих именах память о карельских основателях селений, находились на Вуоксе — главной средневековой карельской реке, в то время как вторичные, восходящие к обозначениям природных объектов карельские названия оказались закреплены за новгородскими погостами, тяготеющими к удаленной северо-восточной окраине уезда, а в прошлом Задней Корелы. В их ряду и название третьего утраченного карельского погоста — *Севилакша* или *Саволак* — из карел. *Savilakši*, букв. ‘глинистый залив’, на территории современной Юго-Восточной Финляндии. Такая ареальная дистрибуция, по-видимому, связана с особенностями карельского расселения и поэтапным освоением территории. В прибалтийско-финской ойконимии отмечено, что антропонимные топонимы преобладают в местах наиболее раннего оседлого земледельческого освоения [Nissilä 1962a: 92]. Вуокса была тем центром, откуда происходила миграция и освоение северных окраин Приладожья карелами. Конечно, нельзя абсолютизировать такую дистрибуцию, однако отметить ее как тенденцию стоит. Заманчиво встроить в этот же ряд ранние карельские центры на Вуоксе с антропонимными именованиями и *Корелу* или *Карельский городок*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ан. РЭС, 9 — Аникин А. Е. *Русский этимологический словарь*. Вып. 9. М.: ИРЯ РАН; ИФЛ СО РАН, 2015.
- Материалы 1941 — *Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.* Гейман В. Г. (ред.). Петрозаводск: Гос. изд-во КФ ССР, 1941.
- Неволин 1853 — Неволин К. А. *О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. С приложением карты*. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1853.
- НОС — *Новгородский областной словарь*. Левичкин А. Н., Мызников С. А. (изд. подгот.). СПб.: Наука, 2010.
- НПК — *Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией*. Т. I–VI. СПб.: Сенатская тип., 1859–1910.
- НПЛ — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. Насонов А. Н. (ред.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- ПКВП 1539 — Писцовая книга Водской пятины 1539 г. *История Карелии XVI–XVII вв. в документах*. Коваленко Г. М., Чернякова И. А., Салохеймо В. (сост.). Петрозаводск; Йоенсуу: б. и., 1987, 19–52.
- ПКВП 1568 — Писцовая книга Водской пятины 1568 г. *История Карелии XVI–XVII вв. в документах*. Коваленко Г. М., Чернякова И. А., Салохеймо В. (сост.). Петрозаводск; Йоенсуу: б. и., 1987, 52–278.
- ПККУ 1590 — Переписная книга Корельского уезда 1590 г. *История Карелии XVI–XVII вв. в документах*. Коваленко Г. М., Чернякова И. А., Салохеймо В. (сост.). Петрозаводск; Йоенсуу: б. и., 1987, 265–283.
- ПККУ 1631 — Переписная книга Корельского уезда 1590 г. *История Карелии XVI–XVII вв. в документах*. Коваленко Г. М., Чернякова И. А., Салохеймо В. (сост.). Петрозаводск; Йоенсуу: б. и., 1987, 388–568.
- ПККЛ 1637 — Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. *История Карелии XVI–XVII вв. в документах. II*. Катаяла К., Хирвонен С. (ред.). Йоенсуу: б. и., 1991.

- ПОКВП — Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины Корельского городка с уездом 7008 года. Сообщ. д. ч. кн. М. А. Оболенским. *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских*. Кн. 12. Беляев И. Д. (ред.). М.: Университетская тип., 1852.
- ПСРЛ, V — *Полное собрание русских летописей*. Т. 5. V. VI. *Псковская и Софийская летописи*. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851.
- СКНГТ — Кузьмин Д. В. *Словарь карельской народной географической терминологии*. Петрозаводск: Периодика, 2020.
- СЛРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1–. Бархударов С. Г. (гл. ред.). М.: Наука, 1975–.
- Срезневский — Срезневский И. И. *Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. I–III. СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Императорской академии наук, 1893–1912.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–. Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П., Мызников С. А. (гл. ред.). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.
- Суперанская — Суперанская А. В. *Словарь русских личных имен*. М.: АСТ, 2010.
- Фасмер — Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Трубачев О. Н. (пер. с нем. и доп.). М.: Прогресс, 1986–1987.
- FSB — *Finlandssvenska bebyggelsenamn*. Электронный архив шведских ойконимов Финляндии на сайте Шведского литературного общества Финляндии: <https://bebyggelsenamn.sls.fi/namnelement/49/s/> (дата обращения 25.04.2024).
- Hausen 1924 — *Finlands Medeltidsurkunder. Samlade och i tryck utgifna af Finlands Statsarkiv genom Reinh. Hausen. IV. 1451–1480*. Helsingfors: Kejsarliga Senatens Tryckeri, 1924.
- KKS — *Karjalan kielen sanakirja*. 1–6. Virtaranta P., Koponen R. (toim.). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005.
- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. 1–7. Toivonen Y. H. (toim.). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1–3. Itkonen E., Kulonen U.-M. (toim.). Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus; Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
- Sukunimet — Mikkonen P., Paikkala S. *Sukunimet*. Keuruu: Otava, 1992.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бернштейн 2005 — Бернштейн С. Б. *Сравнительная грамматика славянских языков: учебник*. 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та; Наука, 2005. [Bernstein S. B. *Sravnitel'naya grammatika slavyanskikh yazykov: uchebnik* [Comparative grammar of Slavic languages: Textbook]. 2nd edn. Moscow: Moscow Univ. Press; Nauka, 2005.]
- Васильев, Вихрова 2014 — Васильев В. Л., Вихрова Н. Н. Типология наименований новгородских погостов (по данным писцовых книг конца XV–XVI в.). *Вопросы языкознания*, 2014, 3: 67–81. [Vasilyev V. L., Vixrova N. N. The typology of Medieval Novgorod pogost names (based on the data of land inventories of late 15–16th cc.). *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 3: 67–81.]
- Васильев, Вихрова 2020 — Васильев В. Л., Вихрова Н. Н. Топонимы и термины *Городок* в Новгородско-Псковско-Тверских землях. *Ономастика Поволжья*. Т. 2. Неганова Г. Д. (отв. ред.). Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020, 21–30. [Vasilyev V. L., Vixrova N. N. Toponyms and terms *Gorodok* in the Novgorod-Pskov-Tver lands. *Onomastika Povolzh'ya*. Vol. 2. Neganova G. D. (ed.). Kostroma: Kostroma State Univ., 2020, 21–30.]
- Грот 1899 — Грот Я. К. *Филологические разыскания. II*. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1899. [Grot Ya. K. *Filologicheskie razyskaniya. II*. [Grot Ya. K. Philological studies. II]. St. Petersburg: Press of the Ministry of Railways, 1899.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.]
- Кузьмин 2016 — Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов. *Вопросы ономастики*. 2016, 13(2): 56–86. [Kuzmin D. V. Christian Names of Karelians. *Voprosy Onomastiki*, 2016, 13(2): 56–86.]
- Кучко 2023 — Кучко В. С. Многоликий сердолик: история названия камня в русской языковой традиции. *Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки*, 2023, 25(4): 251–263. [Kuchko V. S. Many-faced

- carnelian: The history of the names of the stone in the Russian language tradition. *Izvestiya. Ural Federal Univ. Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2023, 25(4): 251–263.]
- Левашов 1988 — Левашов Е. А. Сортавала (материалы к этимологии топонима). *Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики*. Керт Г. М., Зайцева Н. Г. (отв. ред.). Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988, 66–79. [Levashov E. A. Sortavala (materials on the etymology of the toponym). *Pribaltiisko-finskoe yazykoznanie. Voprosy leksikologii i grammatiki*. Kert G. M., Zaitseva N. G. (eds.). Petrozavodsk: Karelian branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1988, 66–79.]
- Михайлова 2016 — Михайлова Л. В. Сортавала — Сердоболь. *Русская речь*, 2016, 3: 102–107. [Mikhailova L. V. Sortavala — Serdobol'. *Russkaya Rech'*, 2016, 3: 102–107.]
- Муллонен 2018 — Муллонен И. И. Фонетические варианты древней топоосновы *Ylä- 'верхний' и их генезис в гидронимии Карелии. *Вопросы ономастики*, 2018, 15(2): 7–27. [Mullonen I. I. Phonetic variants of the ancient toponymic stem *Ylä- 'upper' and their genesis in the hydronymy of Karelia. *Voprosy Onomastiki*, 2018, 15(2): 7–27.]
- Новак и др. 2019 — Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. *Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. [Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. *Karel'skii yazyk v grammatikakh. Sravnitel'noe issledovanie foneticheskoi i morfologicheskoi sistem* [Karelian in grammars. Comparative study of phonetic and morphological systems]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2019.]
- Очерки 2001 — Герд А. С., Лебедев Г. С. (ред.). *Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. [Gerd A. S., Lebedev G. S. (eds.). *Ocherki istoricheskoi geografii: Severo-Zapad Rossii: Slavyane i finny*. [Essays on historical geography: North-West Russia: Slavs and Finns]. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Press, 2001.]
- Рыдзевская 1978 — Рыдзевская Е. А. *Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования)*. М.: Наука, 1978. [Rydzevskaia E. A. *Drevnyaya Rus' i Skandinaviya v IX–XIV vv. (materialy i issledovaniya)* [Ancient Rus' and Scandinavia in the IX–XIV centuries (materials and research)]. Moscow: Nauka, 1978.]
- Теория 1986 — Непокупный А. П. (отв. ред.). *Теория и методика ономастических исследований*. М.: Наука, 1986. [Nepokupnyi A. P. (ed.). *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovanii* [Theory and methodology of onomastic research]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Филин 1972 — Филин Ф. П. *Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк*. Л.: Наука, 1972. [Filin F. P. *Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov. Istoriko-dialektologicheskii ocherk* [The origin of the Russian, Ukrainian and Belarusian languages. A historical and dialectological essay]. St. Petersburg: Nauka, 1972.]
- Хабургаев 1990 — Хабургаев Г. А. *Очерки исторической морфологии русского языка. Имена*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. [Khaburgaev G. A. *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Imena* [Essays on Russian historical morphology. Nominal morphology]. Moscow: Moscow Univ. Press, 1990.]
- Aikio 2003 — Aikio A. Suomen saamelaisperäisistä paikannimistä [Finnish place names of Sámi origin]. *Virittäjä*, 2003, 107(1): 99–106.
- Grünthal 1997 — Grünthal R. *Livvistä liiviin. Itämerensuomalaiset etnonymit* [From Livvi to Liivi. Baltic Finnish ethnonyms]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1997.
- Hakulinen 2000 — Hakulinen L. *Suomen kielen rakenne ja kehitys* [The structure and development of the Finnish language]. 5th edn. Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 2000.
- Kepsu 2018 — Kepsu S. *Kannaksen kylät* [The villages of the Karelian Isthmus]. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2018.
- Kirkinen 1981 — Kirkinen H. Portti itään ja länteen [Gate to the east and west]. *Karjala*, 1981, 1: 11–23.
- Lehikoinen 2018 — Lehikoinen L. *Antreasta Äyräpähän. Luovutetun Karjalan pitäjien nimet* [From Antrea to Äyräpää. The names of the keepers of the Surrendered Karelia]. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus, 2018.
- Nissilä 1962a — Nissilä V. *Suomalaista nimistöntutkimusta* [Study of Finnish place names]. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1962.
- Nissilä 1962b — Nissilä V. *Karjalan nimestä* [On the name of Karelia]. *Virittäjä*, 1962, 66(4): 345–363.

- Nissilä 1975 — Nissilä V. *Suomen Karjalan nimistö* [Toponymy of Finnish Karelia] Joensuu: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1975.
- Wallin 1896 — Wallin V. Suomalaisten kuntain nimet. Suomen Maantieteellisen Seuran kokoomain tietojen yhteensovitus [Names of Finnish municipalities. Revision of data compiled by the Finnish Geographical Society]. *Fennia*, 1896, 14 (3): 1–54.

Получено / received 23.05.2024

Принято / accepted 24.09.2024